

характер союза пролетарских пригородов и деревни против города, приобретала оттенок большей культурности. Но, должен сознаться, я не сумел поднять вопрос на принципиальную высоту и ограничился эмпирической аргументацией, — ссылкой на настроения предвыборных собраний. Ленин возражал в шутовском тоне:

— Вы и так уже сосватали нам и эсэров, и трудовиков. А за энэсов покорнейше благодарим, — эдак мы до кадетов докатимся.

Энэсы явились для сторонников «чистых списков» козлами отпущения за совершенное грехопадение, и в резолюцию было внесено специальное примечание о том, что мы не только сами не вступаем в соглашение с пародно-социалистической партией, но и от трудовиков и эсэров требуем отказаться от соглашений с нею.

Так закончилась эта конференция петербургской организации, памятная в летописях Р.С.-Д.Р.П.

Победа нежданно-негаданно осталась за «диссидентами».

* * *

Чуть ли не на другой день после общегородской конференции меньшевики опубликовали протест против ее решений. Основывался этот протест на ряде формальных соображений: неправильности при подготовке конференции, утверждение конференцией дутых мандатов и, главное, отказ ее подчиниться требованию Ц. К. о разделении.

На этот протест Ленин ответил брошюрой «Лицемерие Дана и 31 меньшевика». В ней меньшевики обвинялись в том, что они «перекинулись» к кадетам, «предали» рабочих, «продали» буржуазии рабочие голоса.

В смысле резкости эта брошюра превосходила все до тех пор появлявшееся в нашей межфракционной литературе.

В Петербургском Комитете поднялся вопрос, можно ли распространять в районах это произведение. Рожков, добродушно пошмываясь, говорил:

— Да-с, вещь, в высокой степени, порнографическая!

Вообще, многие большевики были недовольны тоном брошюры. Но когда мы говорили об этом с Лениным, он объяснял свои «неудачные» выражения тем, что писать ему пришлось насмех, и потому он не оттенил достаточно ясно, что относится в его брошюре ко всем меньшевикам вообще и что — лично к Дану, по отношению к которому употребленные в брошюре выражения... еще недостаточно решительны.

Но в рабочих кварталах не обращали внимания на эти тонкости: там «разоблачения» Ленина принимались в полном объеме. И вот поползли по заводам слухи: меньшевики продали пролетариат и объединились с кадетами. Очень быстро эти слухи приняли более осознательную форму.

Продали... Но кому? За сколько? Откуда взялись деньги?

Молва давала ответ на все вопросы.

Купил рабочие голоса Милюков. Заплатил он 40.000 рублей. Деньги получены из Варшавы, от тамошних банкиров.

На этих подробностях молва не останавливалась.

На заводах рассказывали:

— Деньги меньшевики меж собой поделили, — кому тысячу рублей дали, кому больше.

В Нарвском районе один пропагандист-меньшевик пришел в кружок в новом пальто. Рабочие решили, что это пальто справлено на кадетские деньги. Отказались слушать пропагандиста, прогнали его, чуть не избив...

Вскоре появилось новое подтверждение получения меньшевиками варшавских денег: у меньшевиков оказались новые... самовары. Такой самовар — и при том серебряный — один из агитаторов-большевиков (кажется, Красиков) собственными глазами видел у Дана.

В эти дни, — это было как раз во время выборов по рабочей курии, — межфракционные «трения» в партийной